

Виктор Григорьевич Соколов:

- 22 июня. Ростов-на-Дону. Утро. Мой отец, инженер Азово-Черноморского пароходства, ехал на трамвае через весь город в роддом, вез кулек с кефиром и шоколадом. Улыбался. Его – как-то хмуро – спрашивают: «Мужик, ты чего радуешься?» – «Так у меня сегодня ночью сын родился!» – «Война же началась, мужик...»

Он схватился за голову, ведь ему срочно нужно быть на службе: пароходство – ведомство режимное. Через кого-то отправил маме в роддом записку и гостинцы и полетел на работу. Хорошо, что сказал: сын родился – это и уберегло от проблем. Уже военного времени. Вот так я родился...

...Осенью семью эвакуировали из Ростова в Новороссийск, оттуда уходили на танкере. Уже было холодно. Вода заливала палубу, судно бросало из стороны в сторону. А младенцу нужны сухие пеленки. Машинное отделение было в другом конце судна. И вот отец дожидается, пока волна пройдет. А он спортсмен был – спартаковский чемпион Союза по бегу. Дождется, и вперед! Повесит пеленки на трубы, сухие заберет под бушлат, и обратно – так вот меня и везли.

Сначала – в Потти, затем – в Красноводск. У отца, специалиста-электрика, - бронь, он восстанавливал поврежденные корабли. За доблестный труд был потом награжден медалью. Маме, тоже инженеру, приходилось работать то учетчицей, то крановщицей...

В Красноводске пробыли почти до конца войны. Но родителям пришлось уехать раньше. В Ростов возвращался уже с бабушкой.

С ней мы ехали в уже освобожденный город через станицу Цимлянскую. Помню, что там местные дети катали меня на какой-то огромной ветке – волочили ее за собой. Тащили так, что все в пыли было, а я получал от этого страшное удовольствие.

Там же случилось то, что могло полностью изменить мою жизнь. Бабушка на вокзале ушла за кипятком, попросила присмотреть за мной женщин, что ждали поезда. Вернулась, а меня нет. Спросила, где мальчик. А ей сказали, что какой-то мужчина с ним играл, а потом унес его на руках. Дело в том, что тогда было много детей-сирот, кого по закону о патронате брали на воспитание чужие люди. Но находились и такие, которые брали детей к себе, получали за это деньги и льготы, а что до ребят – выживет или нет, им это было неважно. И вот такой мужичок меня и стащил.

Бабушка побежала меня искать. *Думала:* если не найдет – голову на рельсы и под поезд. Кричала, металась. И одна женщина ей подсказала, куда идти. Заходит на участок, смотрит, а я в сарайчике сижу. Я видел, как она плюнула этому мужику в лицо и забрала меня...

В один из весенних дней, это тоже запомнилось, мама стирала белье в тазу, а я в нем пускал целлулоидную лодочку. Точнее, катерок у меня такой был. И вдруг все начинают радоваться, прыгать и кричать: «Победа, победа, победа!!!»